

Ю Чжилай, не обращая внимания на перепачканные в масле пальцы, удивленно коснулся щеки. На его лице снова расплылась та самая глуповатая, но абсолютно счастливая улыбка «папочки-фаната».

— Малыш меня поцеловал! — Отец сиял от восторга. — Я первый, кого поцеловала наша крошка!

Он подхватил Ю Лу из детского креслица и принялся осыпать его ответными поцелуями. Оглядевшись, чтобы похвастаться перед дядей Юнем, Чжилай обнаружил, что того и след простыл.

— Господин, я принес резинку. Позвольте, я соберу волосы молодому господину, чтобы не мешались? — заботливый дворецкий как раз вернулся в столовую с маленькой желтой резинкой в руках.

— Давай я сам! — с энтузиазмом отозвался отец.

Он осторожно взял резинку, стараясь неловкими пальцами подхватить мягкие, тонкие волоски сына. Его движения были преувеличенно нежными — Чжилай до смерти боялся случайно потянуть нежную кожу на голове ребенка.

— Какая прелесть!

Чжилай собрал челку Ю Лу на макушке в забавный хохолок. С открытым лбом его круглое, пухлое личико стало еще более трогательным, а глаза — ярче. Усаживать сына обратно отец не стал: так и оставил его сидеть у себя на коленях, пока тот прилежно, ложка за ложкой, доедал завтрак.

— Наелся? Теперь пойдем послушаем, как брат играет на скрипке, — пообещал Ю Чжилай.

[Правильно! Вперед!] — Маленький жёлтый цыплёнок неустанно подбадривал своего подопечного. [За дело! Пора повышать уровень симпатии брата!]

Сняв с сына нагрудник и вытерев ему рот и ладошки, Чжилай поднял ребенка на руки. Ю Лу тут же обхватил папину шею маленькими ручками и прижался к груди, точь-в-точь как детеныш ленивца. На ходу он что-то согласно лепетал в ответ на отцовскую болтовню, а сам мысленно сжимал кулачки вместе с 520-м: [Вперед! Качаем уровень симпатии у братика!]

Малыш и Система были на редкость единодушны — оба видели перед собой только заветные очки.

***

В музыкальной комнате стояло несколько инструментов, которыми в разное время увлекался Сяо Е. Несмотря на юный возраст, Бай Сунъе был парнем с характером. В семье Ю придерживались либерального воспитания: помимо обязательных уроков, выбор увлечений целиком оставляли на усмотрение детей. Если Сунъе говорил, что хочет что-то изучить, родители всегда шли навстречу, не заставляя его заикливаться только на школьных дисциплинах. Поэтому даже сейчас, во время зимних каникул, график мальчика был забит до отказа.

Скрипка оставалась его фаворитом. Каждый раз, когда учитель заканчивал урок и уходил, Сяо Е никак не мог расстаться с инструментом — он продолжал репетировать в одиночестве, пока совсем не выбивался из сил.

Ю Лу, будучи трехлетним карапузом, любил поспать подольше. Пока он копошился с завтраком, утренние занятия брата уже подошли к концу.

Ю Чжилай с сыном на руках бесшумно подошел к дверям. Те были приоткрыты, и нежные звуки скрипки свободно вылетали в коридор. Заметив брата у окна, Ю Лу заерзал, пытаясь выбраться из объятий «бесплатного транспорта», чтобы самостоятельно добраться до цели.

Чжилай, хоть и мог легко удержать сына, не стал неволить «маленького кролика». С усмешкой он опустил его на пол. К приезду Ю Лу из больницы на всех этажах Резиденции Ю, кроме первого и сада, расстелили густые, мягкие ковры. Вся обстановка дома тоже изменилась: мебель заменили на новую, с плавными, скругленными углами, чтобы кроха нигде не мог ушибиться.

Ю Лу опустился на пушистый ворс на четвереньки. Лень победила желание стоять прямо, поэтому он по-пластунски, совершенно бесшумно пробрался в комнату и уселся на ковер прямо возле брата.

Бай Сунъе ничего не заметил. Он стоял лицом к саду, чуть склонив голову к плечу и прижимая скрипку к подбородку. Он расслабленно закрыл глаза, его черные ресницы подрагивали. Пальцы левой руки порхали по струнам, а правая уверенно вела смычок, извлекая мелодичные звуки. Солнечный свет, льющийся из окна, окутывал его мягким сиянием, создавая ощущение абсолютного покоя.

Ю Лу завороченно смотрел на брата, боясь пошевелиться. И только когда затих последний аккорд, он изо всех сил забил в ладоши.

Сяо Е вздрогнул, возвращаясь из мира музыки в реальность. Увидев рядом брата, он тепло улыбнулся — той редкой, нежной улыбкой, которая предназначалась только для Ю Лу.

Щёлк!

Ю Чжилай не удержался и сфотографировал эту сцену. Старший брат со скрипкой, в строгой

белой рубашке и серых брюках, выглядел на редкость элегантно и благородно. Он смотрел вниз на младшего с нескрываемой любовью. А тот — в пушистом белом костюмчике кролика, с длинными ушками за спиной и желтым хохолком на макушке — восторженно хлопал в ладоши, сияя огромными глазами.

Душа Чжилая требовала немедленно похвастаться сыновьями, и он тут же отправил фото своему лучшему другу, который сейчас отдувался за него в офисе.

Победитель по жизни (Ю Чжилай): Зацени! Мои пацаны. Ну не чудо ли?

Мой босс не человек (Чжо И): Ого! Мой сын — просто красавчик. Целую, обнимаю, подбрасываю до неба!

Победитель по жизни (Ю Чжилай): С чего это он твой?

Мой босс не человек (Чжо И): Сяо Лу — мой. (Улыбающийся смайлик)

Мой босс не человек (Чжо И): Ты что, забыл свои слова? Ну, когда ты выжимал из меня все соки в выходные? Или когда внезапно ушел в отпуск перед Новым годом, оставив на меня гору дел? Помнишь, что ты плел, пока я зашивался на работе, а ты спамил в чат фотками?

Победитель по жизни (Ю Чжилай): (Недоумевающий смайлик)

Мой босс не человек (Чжо И): Позволь напомнить, дорогой босс.

Когда у меня начали выпадать волосы от стресса, когда я боялся облысеть и не найти жену, когда я думал, что умру от переработок в расцвете сил, ты втирал мне с самым пафосным видом... (Голосовое сообщение).

Голосовое (Чжо И пародирует торжественный тон Чжилая):

«Мы же десять лет как братья! (Твердо). Моя компания — твоя компания! Мои сыновья — твои сыновья! (С нажимом). Ты пашешь ради будущего нашей фирмы, а я дома за детьми приглядываю — считай, за твоими! (Усиление интонации). Не парься, если жену не найдешь — сыновья-то у тебя уже есть. Станешь старым — мои... то есть наши дети тебя прокормят!» (Легко и шутливо).

Победитель по жизни (Ю Чжилай): (Шокированный смайлик)

Победитель по жизни (Ю Чжилай): (Гифка с ошарашенной рыбой, которая тупо хлопает жабрами)

Мой босс не человек (Чжо И): Так что это МОЙ сын — и он само очарование. Вопросы есть?

Победитель по жизни (Ю Чжилай): В-вопросов... нет...

Мой босс не человек (Чжо И): Вот и отлично. Пойду пахать дальше. Сегодня отличный день, чтобы заработать сыну на смесь и подгузники.

Победитель по жизни (Ю Чжилай): (В замешательстве машет рукой)

Чжилай впал в ступор. Кто бы мог подумать! Стоило ему пару раз похвастаться перед Чжо И, как тот уже нацелился стать крестным. Сболтнул лишнего, называется — теперь у него появился конкурент в борьбе за внимание сына.

Но самое страшное: как объяснить это жене, которая души в детях не чаает? Если Бай Сюэцин не одобрит, а Чжо И обидится и уволится, Чжилаю придется самому идти в офис. А работа — это значит никаких посиделок с сыном и «обнимашек». Какой кошмар!

Нужно во что бы то ни стало убедить жену. Чжилай потер ухо — ему показалось, что оно горит и зудит, будто Сюэцин уже крутит его, ласково отчитывая за глупость.

«Прости, дорогая, я виноват...»

Пока отец переживал из-за своего длинного языка, Ю Лу, не подозревавший о появлении «запасного папы», изо всех сил дергал брата за штанину, едва не стаскивая ее. Кое-как поднявшись на ножки, он обрушил на Сунье поток комплиментов на своем младенческом наречии.

— Лу-лу... сяй! (Красавчик!)

— Лу-лу... бян! (Умница!)

— Лу-лу... ха-ё! (Хороший!)

Только Сяо Е, чей уровень «братской любви» рос с каждым днем, мог понять, что несет этот карапуз. Со стороны могло показаться, что Ю Лу называет брата обезьяной или ворчит, но Сунье точно знал — его хвалят.

Отложив скрипку, он взял Ю Лу за обе ладошки, помогая ему удержать равновесие.

— Спасибо, Лу-лу. Я буду стараться еще лучше.

Сунье терпеливо подстроился под неуклюжий шаг брата и довел его до мягкого дивана. Помог взобраться и погладил по макушке:

— Посиди тут тихонько, а я сыграю тебе на пианино.

— Угу! Угу!

Ю Лу послушно замер, сложив ручки на коленях. Сяо Е сел за рояль. Солнечные блики играли на его волосах и белоснежных клавишах, и в этот миг казалось, будто он сам излучает свет. Его пальцы, словно маленькие эльфы, порхали по клавиатуре, рождая одну за другой бодрые, радостные ноты.

Ю Лу погрузился в музыку. В отличие от обычных детей, он понимал ее суть. В прошлой жизни мать лично обучала его игре на гуцине. После ее смерти он чувствовал себя потерянным — единственным, что у него осталось, был инструмент, который дед с огромным трудом достал для больной дочери. Даже отец, ненавидевший все, что связано с покойной женой, не посмел уничтожить ту драгоценную вещь.

Позже мастерство Ю Лу признали лучшим в столице, хотя отец и фыркал, называя это «бесполезным эстетством». Но Ю Лу уже было плевать. Когда семья окончательно отвернулась от него, он играл на рынках, заставляя людей замирать от изумления. Вместе с Фэн Юэ они поднимались на Башню Цюэ, чтобы встретить рассвет под звуки струн. Даже император, приглашая его на пиры, признавал: «Мастер Ю Лу играет так, что мир перестает существовать».

Его музыка в прошлом могла дышать яростью битвы или тяжелой скорбью. Но в ней никогда не было того, что он слышал сейчас. Чистого, беспримесного счастья.

Когда стих последний аккорд, Сяо Е подошел к дивану и взял Ю Лу за руку, приглашая сесть рядом на банкетку. Его ладонь, белая и прохладная снаружи, оказалась удивительно теплой. Он накрыл своей рукой крохотные пальцы брата и аккуратно опустил их на клавишу.

Дон-н...

Две пары рук вместе извлекли звук. Дети переглянулись и одновременно рассмеялись — этот порыв искренней радости было не сдержать. Как зимнее солнце, согревающее кончики пальцев, их веселье наполнило комнату жизнью.

Глядя на них, Ю Чжилай невольно улыбнулся. Бай Сюэцин, только что вернувшаяся из офиса, чтобы пообедать с семьей, тоже не смогла сдержать улыбки. Она мягко обняла мужа за талию, и они вместе замерли в дверях, наблюдая за своими мальчишками. В этот миг жизнь казалась абсолютно совершенной.

[Хе-хе...]

Послышался характерный звук системного уведомления о пополнении счета, и 520-й довольно хихикнул.

[Ваши десять тысяч очков зачислены! Мы буквально кожей чувствуем любовь братика, да-а-а!]

Система в предвкушении потеряла крылышки и хитро прищурилась. Благодетель Бай Сунье даже не подозревал, какой вклад он только что внес в копилку своего младшего брата.

<http://bllate.org/book/17465/1653374>